

Чуковский Корней
Иванович

6 08 03

Новая газ. - 2003 - 4-6 авг. - с. 18

ТВЕРДЫЙ ПЕРЕПЛЕТ

СКАЗКИ, НЕ НАПИСАННЫЕ ЧУКОВСКИМ

Лейтмотив этой книги — нервный тик человеческого статуса, аритмия литературного самоощущения у собеседников, дочери и отца. Свидетели и хронисты XX века, со всеми поворотами и всеми Минотаврами его лабиринта, — или корректно-печальные пролетарии культуртрегерства? Тема «литературной поденичины» и смиренно-гордого ее приятия идет через всю переписку Лидии и Корнея Чуковских 1930-х, 1940-х, 1950-х, 1960-х годов...

Корней Чуковский

Переписка

Лидия Чуковская

Корней Чуковский, Лидия Чуковская. Переписка. 1912–1969. — М.: НЛО, 2003. — 586 с.

«Ты точно определила содержание своей повести: разложение личности под влиянием нелепости сущего», — пишет Чуковский дочери в марте 1940-го, прочитав ее «Софью Петровну». (До первой публикации в «Новом журнале» остается около тридцати лет, до отечественного издания — почти полвека.) Лидия Корнеевна — отнюдь не Софья Петровна. Личность не деформируется, но под диким глубоким давлением времени меняется ее кристаллическая структура.

«Тональность этой переписки, особенно в послевоенной части: как бы два усталых робота извещают друг друга о ходе работ — и что отдельные узлы совсем проржавели», — формулирует Самуил Лурье в отличном эссе об отце и дочери, открывающем книгу. Лурье приводит любопытнейшее наблюдение генетиков: «физиологически» гений всегда принадлежит к одной из нескольких «людских пород». Биологические признаки опережают и предсказывают диагноз историков культуры. В один из «генотипов гениальности» Корней Чуковский вписан идеально: «...Как доберман — на добермана, похож на какого-нибудь Ханса Кристиана Андерсена».

В 1923 году, когда Чуковский, записывая «Муху-цокотуху» на полосе обоев, плясал по комнате под цоканье собственных стихов — как царь и певец Давид перед Ковчегом Завета, как Пушкин у михайловской печки с рукописью «Голунова», — его сходство с гением явно не ограничивалось ростом, худобой и формой рук. То, что было дальше, описано в дневнике 1960-х: «...В тридцатых годах травил «Чуковщину» и запретили мои сказки — и сделали мое имя ругательным, и довели меня до крайней нужды и растерянности <...>. В голове у меня толпились чудесные сюжеты новых сказок, но эти изуверы убедили меня, что сказки мои никому не нужны — и я не написал ни одной строки. <...> ...И сам я чувствовал себя негодяем».

Рефлекс нравственной опрятности (включающий рефлекс постоянного труда) у этих людей был безуслов-

ным. Но их двое в переписке: ту глухую чернорабочую аскезу «допустимого, но нелюбимого», которую каждый принимает для себя, оба они никак не хотят принимать для другого! Прочитав статью дочери об «Ученых записках кафедры детской литературы» образца 1939 года, отец взрывается беспомощным гневом: «Сборник — уголовно плох... Я отметил в нем ужасные случаи невежества, безграмотности, тупости. Ты же споришь с этими балбесами по существу, как будто они стоят на литературном уровне».

Он сокрушается, что дочь убивает себя редактурой. Он предлагает взамен переводы. Составление сборника сатиры 1905 года. Переказ «Рейнеке-Лиса»...

Тексты писем спокойны. Им абсолютно привычна эта кафкианская жизнь.

Мелочи быта попадают в эпистолярную хронику почти случайно. Спокойная привычность упоминания бьет сильнее всего.

1931 год. Из закавказской Ганджи Лидия Корнеевна собирает посылку в Крым для тяжелобольной сестры Муры. Фруктов в Крыму нет, но нет их и в Гандже. «...Завтра — ура, ура! — наконец-то мы отправляем виноградный сок и каштаны. Задержка была потому, что здесь нельзя было достать ящиков и гвоздей. ...Я сама готова превратиться в апельсин, но, к сожалению, не в силах».

1964 год, поездка Ахматовой в Италию, на вручение премии «Этна-Таормино»:

«АА <...> мне сказала: «Я привезла подарки только тем друзьям, кто сам себе ничего купить не может и у кого ничего нет». И она привезла — Иосифу — теплую зимнюю куртку, Толе — то же, Э<мме> <Григорьевне> — материал на зимнее пальто»...

...И — визиты Корнея Ивановича в 1939 году к генпрокурору Ульриху в попытках спасти мужа дочери, физика Матвея Бронштейна. Чуковского приглашают в дом: супруга генпрокурора «всю жизнь пишет стишки для советских ребятишек». Попытки тщетны: Бронштейн уже расстрелян.

...А через тридцать лет и триста страниц переписки Чуковский по просьбе дочери пишет почтительные письма в больницы, где лежат друзья, где яйца на завтрак подают на обрывке газеты, где одна няня на тридцать лежачих.

«Переписка двух усталых роботов»? Скорее переписка антиподов в мире перевернутых иерархий, образовательных цензов, репутаций.

Призраки 1930–1950-х рассеялись. Человеческие лица выступили из мглы.

И только сказок, не продиктованных свыше заправленному Чуковскому, никто уже не слышит.

● Елена Дьякова